

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ**

ДОКУМЕНТ N 34

Т.С.ГУЗЕНКОВА

**МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
В КАЛМЫКИИ**

**МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

СЕРИЯ А

МОСКВА 1992

Материалы серии отражают точку зрения авторов и не являются официальной позицией Института.
При использовании ссылка на материалы обязательна.
Редакционная группа: В. А. Тишков (отв. ред.)
Н. А. Лопуленко
М. Ю. Мартынова
С. С. Савоскул

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу: 117334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а, Институт этнологии и антропологии РАН, тел, 938-00-19

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ. Утверждение, согласно которому многонациональная Калмыкия остается одним из немногих южных регионов, где межнациональные отношения воспринимаются и разрешаются в категориях мирного времени, звучит в нынешней обстановке почти неправдоподобно и свидетельствует скорее об исключении, нежели о правиле. И тем не менее это в немалой степени именно так, если характеризовать республиканскую ситуацию на фоне той конфликтной обстановки, которая сложилась как на границах Калмыкии, так и далеко за ее пределами.

Лежащие на поверхности факты таковы, что республика, населенная представителями 92 национальностей, в "перестроечные" и "постперестроечные" годы, к счастью, пережила лишь два открытых мелких (локализованных и немногочисленных) столкновения на межнациональной почве, которые вскоре удалось заглушить.

Республиканская пресса и публицистика целенаправленно, достаточно настойчиво и, кажется, небезуспешно воздействует на общественное сознание, формируя образ Калмыкии как относительно благополучного, с точки зрения национального вопроса, региона-острова в море нестабильности. "Слава Богу, есть еще на юге национальный регион, где люди пока не спрашивают друг у друга, кто ты: армянин или еврей, калмык или русский? Это Калмыкия." (1). Такая идея, выраженная героем одного из газетных очерков рефреном повторяется в ряде публикаций.

В этой связи возникает вопрос, а как реально складываются взаимоотношения между представителями различных национальностей. Что из утверждаемого относится к сфере грез, а что - действительности? И, наконец, что такое Калмыкия - уже состоявшееся счастливое исключение или еще невзорвавшийся вулкан? Попытаемся хотя бы отчасти ответить на поставленные вопросы, представляющие отнюдь не только частный интерес.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ КАЛМЫКИИ. Национальный состав республики весьма пестр, что отражает специфичность этноисторического развития этого маргинального по своему географическому, историко-этнографическому и хозяйственному положению региона. Согласно Всесоюзной переписи населения 1989 г., различные национальности представлены следующим образом (табл.1).

Таблица 1.
Национальный состав населения Калмыкии (1989, перепись).

Национальности в порядке убывания численности	Абсолютная численность	Доля в общей численности (%)
Все население	322579	100
Калмыки	146316	45,4
Русские	121531	37,7
Даргинцы	12878	4,0
Чеченцы	8329	2,7
Казахи	6277	1,9
Немцы	5586	1,7
Украинцы	4069	1,3
Аварцы	3871	1,2
Кумыки	1530	0,5
Белорусы	1339	0,4
Татары	1312	0,4
Корейцы	643	0,2
.....		
Другие	8909	1,7

Таким образом видно, что наиболее многочисленную группу после калмыков составляют славянские народы (39,4%), а также представители народов Кавказа (10,1%, из них доля даргинцев и чеченцев достигает 6,7%). Во всей этой мозаике межнациональных отношений доминанту, без сомнения, составляет, ус-

ловно говоря, треугольник, вершинами которого являются калмыки - русские - представители народов Кавказа. При этом основным этническим партнером и контрагентом калмыков выступают русские.

ИЗ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ КРАЯ РУССКИМИ. РАССЕЛЕНИЕ. ЧИСЛЕННОСТЬ. Начало формирования этнической территории калмыков в границах, образованных северо-западным побережьем Каспийского моря, реками Волгой, Доном и Кумой относится к XVII в. В середине 50-х - начале 60-х гг. XVII в. правительство России закрепило за калмыками территории, куда входила и та часть Калмыцкой степи, которая совпала с границами нынешней Калмыкии. К моменту появления калмыков эти земли, завоеванные в 1556 г. у Астраханского ханства, были неосвоенными и почти безлюдными. Одним из самых ранних поселений стала небольшая сторожевая крепость, основанная в 1627 г. В 1664 г. образовалось Калмыцкое ханство во главе с ханом (позднее наместником), просуществовавшее до 1771 г.

С этого периода освоение края русскими приобрело относительно массовый характер. Колонизационный поток XVIII в. был настолько значителен, что явился, по мнению ряда исследователей, одной из причин кризиса Калмыцкого ханства (2). Освоение пустынных в понимании земледельческого населения территорий заметно сократило кочевые угодья калмыков. Эта и ряд других причин заставили большинство калмыков покинуть российскую территорию и переместиться на свою историческую родину - в Джунгарию, уже завоеванную к тому времени Китаем.

Исход калмыков стал серьезным уроком царскому правительству, существенно скорректировавшему колонизационную политику в этом крае. В конце XVIII - начале XIX в. законодательно были признаны границы калмыцких земель, которые запрещалось заселять. Правительство на время отказалось от организации массовых переселений. В связи с этим, по мнению некоторых авторов, колонизационный поток русско-украинских переселенцев в конце XVIII - первой трети XIX в. был существенно меньше, чем в предыдущие периоды (3). Максимальное число пе-

реселенцев в дореволюционный период приходится на середину XIX в. К концу XIX в. миграционный поток становится значительно меньше. Большинство сел переселенцев возникало в Малодербетовском и Манычском улусах, наиболее пригодных для земледелия.

Следует однако заметить, что основная масса русского населения оседала на землях Астраханской и Ставропольской губерний. В конце XIX в. на этих территориях проживало более 190 тыс. переселенцев, тогда как в границах собственно Калмыцкой степи - 4655 чел. (4).

В социальном отношении русские переселенцы в большинстве своем состояли из государственных крестьян, а также из отставных солдат, бывших крепостных, представителей мещанского сословия, купцов. Мигранты были выходцами преимущественно из центрально-черноземных губерний, позднее из соседних губерний (Астраханской, Ставропольской, Саратовской), а в конце XIX в. также из других губерний центра России и Среднего Поволжья.

Качественно иные масштабы освоения Калмыкии русскими приходятся на 1920-е - 1930-е годы. Меры советского правительства, направленные на активное расселение земледельцев, в немалой степени имели своей целью скорейший перевод кочевого и полукочевого калмыцкого этноса на оседлость. Период с конца 1930-х до конца 1970-х гг. характеризуется относительно медленным приростом русского населения, а Всесоюзная перепись населения 1989 г. обнаружила сокращение численности русских в Калмыкии (табл.1).

Таблица 1.

Численность русских и их доля в общей численности населения Калмыкии по данным Переписей населения (тыс.чел.; %).

1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989
4,7	15,2	101,0	103,3	122,8	125,5	121,5

(все пе-

реселенцы)

10,7	45,7	55,9	45,8	42,6	37,7
------	------	------	------	------	------

Следует отметить, что этносоциологическое обследование калмыцкого и русского населения Калмыкии, проведенное в 1985 г. Институтом этнографии АН СССР и Калмыцким институтом общественных наук, обнаружило значительную часть русского населения (10% сельских жителей и 8% горожан), желающего покинуть республику. В числе главных причин переезда чаще всего назывались поиски лучших культурно-бытовых и жилищных условий, а также лучших условий труда. Судя по сокращению абсолютной и относительной численности русского населения Калмыкии, можно полагать, что потенциальная миграция в значительной степени перерастает в реальную.

До 1930 г. - года основания г. Элисты в качестве столицы - все население республики было сельским. В настоящее время в Калмыкии насчитывается три малых города, включая Элисту, в которых русское население составляет от 42% до 64%. К числу сельских районов, где русские составляют 40 и более процентов относятся: Малодербетовский, Городовиковский, Яшалтинский, Сарпинский, Приютненский. Эти же районы являются зонами их наиболее компактного расселения. Доля городского населения среди русских достигает 50,8% (среди калмыков 49,6%). Данный показатель сближает Калмыкию с некоторыми областями Казахстана, а также с Тувой.

Занимаясь сюжетами, связанными с историей, социологией и этнографией калмыcko-русских взаимоотношений необходимо учитывать ряд моментов, в числе которых прежде всего обращают на себя внимание следующие:

- калмыки и русские исторически принадлежали к обществам, формировавшимся в принципиально различных хозяйственно-культурных средах и историко-этнографических областях. Первые представляли мир кочевников центральноазиатского происхождения. Вторые - мир пашенных земледельцев европейской

части;

- калмыки и русские принадлежат к различным конфессиям. Первые исповедуют буддизм, вторые - православие;

- калмыки принадлежат к числу депортированных народов, лишенных в 1943 г. своей государственности и принудительно дисперсно расселенных в восточных районах Союза. Калмыцкая автономия была восстановлена в 1956 г.

ДЕМОГРАФИЯ СЕМЬИ. Известно, что многие семейно-демографические характеристики определяются особенностями половозрастной структуры населения. Применительно к русским Калмыкии эта особенность, по сравнению с калмыками, состоит в том, что среди русского населения выше доля лиц старших возрастов. Думается, что это обстоятельство в немалой степени объясняет тот факт, что из числа русских выше доля лиц, состоящих в браке, и меньше - никогда не состоявших в нем, (при примерно равном соотношении численности вдовствующих и разведенных).

Однако при более высоком уровне брачности, семейно-родственные микросреды у русских оказываются малочисленнее, среди них большую, по сравнению с калмыками, часть составляют нуклеарные семьи с брачной парой без детей или с 1-2 детьми. Почти две трети русских горожан и 58% жителей села имеют 1 - 2 ребенка в возрасте до 18 лет (калмыки соответственно: 50% и 60%). В свою очередь среди русских доля лиц, имеющих трех и более детей моложе 18 лет, вдвое ниже, чем у калмыков (русские: 5% в городе и 11% в селе, калмыки: 11% в городе и 21% в селе). Доминирующим типом семьи как у русских, так и у калмыков является брачная пара с неженатыми (незамужними) детьми. Следующими по распространенности являются типы семьи: у русских - брачная пара, у калмыков - семья с двумя (и более) брачными парами в городе и одиночка с неженатыми (незамужними) детьми в селе. Средний размер семьи у русских - 3,4 чел. в городе и 3,3 чел. в селе; у калмыков соответственно - 3,7 чел. и 4,0 чел (расчитано по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.).

Таким образом, с одной стороны, едва ли приходится гово-

речь о принципиальных и существенных различиях в семейно-демографической структуре двух этнотерриториальных общностей. Основные тенденции в целом сходны между собой. Вместе с тем наблюдаются и некоторые различия (выше описана лишь часть из них). Эти различия определенно свидетельствуют о том, что русскому населению Калмыкии в силу ряда причин (анализ которых составляет отдельную тему) свойственно менее активное репродуктивное поведение. Темпы демографического воспроизводства русских несколько отстают от темпов аналогичного воспроизводства калмыков. Видимо, в данном случае не в последнюю очередь сказываются более сниженные репродуктивные функции русских семей, живущих в Калмыкии.

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ. Этноязыковая ситуация в Калмыкии исторически сложилась так, что русские, проживая в национальной автономии не переживали (да не испытывают и в настоящее время) трудностей, связанных с проблемой русско-калмыцкого двуязычия. Такой проблемы для некалмыцкого населения практически не существовало. Дело в том, что в республике гораздо более актуальной и болезненной была и остается тема распространенности калмыцкого языка внутри собственно калмыцкого этноса. Сферы применения калмыцкого языка настолько сужены, а функции так свернуты, что дальнейшая его судьба видится многими калмыцкими деятелями науки, культуры, просвещения как трагическая, если не принять срочных мер по его возрождению.

Думается, что подобное восприятие страдает излишним пессимизмом, однако оно, несомненно, имеет своим основанием определенные реальные процессы. По данным этносоциологического обследования 1985 г., только 27,2% калмыков - горожан и 45,8% жителей села свободно говорят, читают и пишут по-калмыцки. Около трети городских калмыков говорят по-калмыцки с затруднениями, либо совсем не владеют им. Калмыки используют по-преимуществу русский язык. Среди калмыков только 8% горожан и 17,8% сельских жителей считают, что они знают калмыцкий язык лучше, чем русский. В этом контексте в республике ведется речь не о гармонизации взаимодействия калмыцкого и

русского языков, а об экстренном возрождении калмыцкого языка и прежде всего в среде его носителей - калмыков.

В этой связи не удивителен тот факт, что уровень знания калмыцкого языка русскими ничтожно мал. Согласно данным Переписи населения 1989 г., калмыцким языком владеют 0,2% городских русских и 0,22% - жителей села. Тем не менее было бы ошибочно совсем отказать русским в интересе к калмыцкому языку. По данным обследования 1985 г., четверть русских горожан и пятая часть жителей села на вопрос о том, хотели бы они изучать калмыцкий язык, ответили утвердительно.

Правда, здесь имеется ряд нюансов. Во-первых, гипотетическое вербальное желание отнюдь не всегда реализуется на практике. Во-вторых, кажется, что подобное лояльное отношение к калмыцкому языку при почти полном его незнании как раз и свидетельствует об отсутствии каких-либо коллизий, связанных со знанием или, наоборот, незнанием языка "титупльной" нации.

В последние годы в республике ведется широкая кампания по оживлению функций и расширению сфер применения калмыцкого языка. Эти мероприятия обращены прежде всего к калмыкам. Однако, без сомнения, русское население также сможет в той или иной мере реализовать свою потребность в его изучении. Вместе с тем действительность такова, что в ближайшее время едва ли сколько-нибудь значительно пополнятся ряды русского (славянского) населения, владеющего языком "титупльной" нации.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ. Характер социальной стратификации русских и калмыков по многим позициям совпадает, но вместе с тем существуют и определенные различия. Сопоставление этносоциальной структуры мы провели по следующим показателям.

- 1) Социально-профессиональная группировка по шкале:
  - а) умственный труд (высококвалифицированный, средней квалификации, неквалифицированный);
  - б) физический труд (высококвалифицированный, квалифицированный, неквалифицированный).
- 2) Соотношение занятости в различных сферах приложения

труда (в сфере управления, в просвещении, науке, медицине, в промышленности, в сфере обслуживания, в совхозе, колхозе и др.), а также отдельными видами труда.

3) Уровень образования двух этнотерриториальных групп.

Анализ данных 1985 г., в частности, показал, что среди русских как в городе, так и в селе меньше доля лиц, занятых умственным трудом высокой и средней квалификации, но больше (по сравнению с калмыками) - высококвалифицированным и квалифицированным физическим трудом. Эти показатели вполне согласуются и с распределениями, относящимися к сферам приложения труда (см. табл. 2).

Таблица 2.

Доля лиц, занятых в различных сферах приложения труда
(Калмыкия, 1985, % к числу ответивших).

Сферы приложения труда	Город		Село	
	русские	калмыки	русские	калмыки
Сфера управлен. (органы госуд. и местной власти, министерства, ведомства)	9,8	9,6	7,7	2,9
Просвещение, наука, медицина, искусство, культура, печать	16,2	22,7	17,4	21,9
Промышленность, строительство, транспорт, связь	49,4	43,7	20,5	7,7
Бытовое обслуж., общепит, торговля	14,6	13,2	8,4	7,7

Совхоз	8,8	10,1	28,3	56,1
Колхоз	1,2	0,8	17,8	3,7

Как видно из таблицы, наибольший разрыв в показателях занятости существует в промышленности, на транспорте и в связи (где значительно больше занято русских), а также в сельском хозяйстве (где заметно выше доля калмыков). Кроме того, отчетливо видны и "ножницы" в уровне занятости калмыков и русских в сфере просвещения, науки, культуры, печати, где чаще работают лица калмыцкой национальности.

Примечательно, что приведенные выше данные, представляющие укрупненные характеристики (каковыми являются сферы приложения труда), в некоторой степени поглощают или сглаживают различия, существующие, например, внутри одной сферы или социально-профессиональной группы. Скажем, анализ показателей занятости по отдельным профессиям и видам труда обнаруживает еще больший разрыв в представительстве двух национальностей (табл. 3).

Таблица 3.

Доля лиц калмыцкой и русской национальностей, занятых в различных сферах труда и отдельными профессиями (% , 1989, перепись).

Сферы труда и отдельные профессии	Город		Село	
	русские	калмыки	русские	калмыки
Все население	41,9	49,1	34,1	42,0
Все занятые	41,9	49,3	35,1	41,6
Промышленность	40,5	50,3	44,9	40,6
Сельское хоз-во	40,6	42,4	27,8	40,2
Умственный труд	40,8	52,2	39,4	50,8

ИТР	46,1	47,1	49,2	40,0
Врачи	23,5	72,3	30,4	60,9
Научные работники	27,7	67,3	41,2	41,1
Учителя	38,5	56,1	28,7	65,7

Таким образом видно, что отдельные виды труда и некоторые профессиональные занятия имеют в Калмыкии, так сказать, национальное лицо. Научным трудом, просвещением, врачебной практикой заняты преимущественно калмыки, тогда как инженерно-технические работники, а также работники физического труда, занятые в промышленности, на транспорте и в связи, чаще являются представителями русской национальности.

"Кривые" уровня образования русского и калмыцкого населения республики, в целом, имеют сходную конфигурацию, хотя и обладают собственными нюансами. Заметим, однако, что среди русского населения, как в городе, так и в селе, доля лиц, имеющих высшее или неполное высшее образование уступает соответствующим показателям, характеризующим калмыков, на 3%-6%.

В целом, определяя социальный статус русской этнотерриториальной общности Калмыкии, допустимо констатировать следующее. Для русского населения характерны как бы более замедленные этносоциальные процессы, чем для калмыцкого этноса. Вероятно, восстановление автономии в 1956 г., массовое возвращение калмыков на родину, интенсивная реконструкция калмыцкой государственности - все это активизировало процессы социального структурирования и дальнейшего развития калмыков.

Социальное продвижение значительной части калмыцкого этноса осуществлялось в последние десятилетия ускоренными темпами. Одно из свидетельств тому - более заметные контрасты в социальной стратификации именно калмыков, а не русских. Например, среди русских меньше, по сравнению с калмыками, доля лиц, имеющих высшее образование, но и меньше доля лиц, полу-

чивших лишь начальное образование. Несколько меньшая доля лиц из числа русских занята высококвалифицированным умственным трудом, но и меньшая - неквалифицированным физическим трудом.

Таким образом, есть основания полагать, что в социальном отношении значительные группы русских оказываются несколько менее продвинутыми, нежели калмыки. Представляется, что эта тенденция может сохраниться и в последующем. В ряду многих обстоятельств и причин, способствующих более динамичному развитию калмыцкого этноса, следует указать на активное формулирование и реализацию идеи калмыцкого национального возрождения на государственном уровне. Можно предположить, что в случае, если такая политика не будет совпадать с интересами значительной части русского населения, то в среде русских увеличится миграция за пределы республики. Это, в свою очередь, вызовет еще большие изменения социальной стратификации русских, состоящие, в частности, в вымывании наиболее социально продвинутых групп.

Кроме того, есть основания полагать, что перераспределение и концентрация представителей одной национальности в какой-либо сфере или в отдельных видах труда способна привести (и, к сожалению, уже ведет) к нежелательным последствиям, например, к межнациональной напряженности. Так, некоторые группы русского, точнее славянского, населения, занятые интеллектуальным трудом, почувствовали определенный

дискомфорт. В республике, например, уже публично сформулирована идея о меньшей доступности для лиц славянского происхождения высшего образования, получаемого в вузах России (5).

Вместе с тем очевидно и другое. В социальном статусе калмыков и русских значительно больше позиций, сближающих эти две общности. И определенным образом скорректированная социальная политика на республиканском уровне делает возможным устранение многих очагов и поводов для этносоциальной напряженности.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТ-

НОГО ОБЩЕНИЯ. Обращаясь к теме межнациональных отношений, сразу же следует отметить, что в республике до настоящего времени сохраняется относительно спокойная обстановка. Положение о мирном, дружественном характере межнациональных отношений в Калмыкии весьма распространено и отчасти даже традиционно для калмыцкой обществоведческой литературы и публицистики. Критические оценки состояния дел в этой сфере носят единичный характер.

У нас нет оснований подвергать серьезному сомнению такое положительное восприятие ситуации в области межнациональных отношений. Действительно, на фоне уже "взорвавшихся" регионов, в том числе и соседствующих с Калмыкией, республика выглядит вполне благополучно. Разумеется, время от времени, здесь возникают конфликтные ситуации, в которых немаловажное значение приобретает национальный фактор.

Так, например, в 1989 г. имело место выяснение калмыцко-русских отношений, в том числе и на страницах печати, в связи с обнаруженной в республике ВИЧ-инфекцией (обсуждался вопрос, какой национальности предполагаемый источник заражения). Народный поэт Калмыкии, видный общественный и политический деятель Д.Н. Кугультинов писал: "Вирус СПИДа попал к нам из одной из африканских стран через человека, не являющегося калмыком по национальности" (6). Понятно, что в условиях малонаселенной республики "вычислить" некалмыка, побывавшего в африканской стране не составило особого труда. По Калмыкии поползли слухи с указанием адреса о русском, якобы заразившем СПИДом калмыков.

В сентябре 1989 г. имели место столкновения на межнациональной почве в Сарпинском и Малодербетовском районах (7). В июле 1992 г. возник конфликт между калмыцким и даргинским населением в совхозе Аршань-Зельменский Сарпинского района (8). Однако эти столкновения удалось, судя по публикациям, относительно быстро урегулировать путем переговоров и уступок, не прибегая к грубым методам насильственного подчинения внешнему порядку.

Таким образом, более или менее открытые столкновения на межнациональной почве до сих пор носят в республике эпизоди-

ческий и кратковременный характер. Вместе с тем было бы опрометчиво характеризовать межнациональные отношения в Калмыкии только как беспроблемные и тем более гармоничные.

Нам представляется, что внешние "выбросы" взаимного недовольства по тому или иному поводу в немалой степени имеют своим основанием более глубинный, не вполне заметный, а часто совсем незаметный на поверхности процесс некоторого личностного межэтнического отчуждения двух этнотерриториальных общностей - калмыков и русских. Элементы такого отчуждения проявляются прежде всего в отчетливой ориентации на внутринациональное общение калмыков и русских в индивидуально-личностных сферах: в семейно-родственной и дружеской (9).

Так в однонациональных браках в 1985 г. состояли: 87,9% русских горожан и 88,7% жителей села; среди калмыков соответственно - 89,9% и 92,8%. Доля калмыцко-русских браков среди русских достигала 5,6% в городе и 2,4% в селе. Реальное поведение в выборе национальности брачного партнера вполне определенно коррелирует и с психологическими установками по поводу этнического аспекта брака. Оказалось, что немногим более 40% жителей села (как калмыков, так и русских) и половина горожан считают, что национальность в браке не имеет значения. Заметим, что в национальных республиках Среднего Поволжья и Приуралья доля лиц, вербально не придающих значения этнической принадлежности супругов, значительно выше: например, среди русских Чувашии таких 74,4% в городе и 84,6% в селе.

Преобладает тенденция внутринационального общения и в дружеской сфере. В числе своих ближайших друзей имеют лиц не своей национальности 28,3% русских и 10,9% калмыков-горожан, что существенно ниже данных, относящихся к русским другим автономных республик Поволжья.

Наиболее интернационализированной является, как известно, производственно-трудовая сфера, где преобладает число национально-смешанных коллективов. По отношению к этой сфере население, как правило, демонстрирует интернационалистские установки. Среди русского населения Калмыкии в национально-смешанных коллективах в 1985 г. работали 90% горожан и

около 70% сельских жителей. Только 5% русских указали на то, что в национально-смешанных коллективах работать труднее. На вопрос о том, в каком по национальному составу коллективе предпочли бы работать опрашиваемые, 9% городских и 17,7% сельских русских ответили, что предпочли бы работать с лицами своей национальности. Среди калмыков эти показатели несколько выше и составляют соответственно 12,5% и 20%.

В целом приведенные данные, относящиеся к сфере индивидуально-личностного межнационального общения, позволяют более или менее достоверно предполагать следующее. В условиях Калмыкии сложился и, вероятно, относительно стабильно сохранялся некий преобладающий тип межнациональных отношений, который можно определить как отстраненно-доброжелательный. Две этнотерриториальные общности до последнего времени открыто не предъявляли друг другу сколько-нибудь серьезных претензий. В республике сохранялась спокойная обстановка.

Однако при этом не приходится говорить о сколько-нибудь значительной миксации, о широком распространении межэтнических связей в брачной и семейно-родственной сферах и уж тем более о прорыве внутриэтнической эндогамии. Русские и калмыки в значительной мере сохраняют свое лицо не только в переносном, но и в прямом смысле этого слова. Как утверждают специалисты, в антропологическом облике калмыков с тех пор, как они появились в России, не произошло сколько-нибудь существенных изменений в сторону европеизации (10).

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ. Как нам представляется, в течение длительного времени в республике сохранялся тот баланс статусов и интересов, который, казалось бы, способен надолго уберечь регион от этносоциальных бурь и межнациональных трений. Однако в последнее время этот баланс был постепенно нарушен. Сразу заметим, что это "доперестроечное" равновесие сил и дружба народов в немалой степени создавались искусственно, с помощью нажимных командных методов. Идеологической обработкой массового сознания, уравниловкой, оперативным отслеживанием инакомыслия и прочими приемами и методами управления социальными процессами на относительно длительное вре-

мя внешне достигался желаемый результат. Изменение социально-политической обстановки в стране не сразу, не одномоментно, но определенно повлияло и на ситуацию в республике.

На наш взгляд, одним из существенных моментов в жизни республики стал процесс национального самоутверждения и реабилитации калмыков. Калмыцкий этнос прежде всего усилиями национальной гуманитарно-художественной интеллигенции в некотором роде пытается взять этнопсихологический и этнокультурный реванш за долгие годы вынужденного молчания о тех бедах и испытаниях, которые выпали на его долю как депортированного народа.

В определенном смысле можно даже говорить о калмыцком этнокультурном ренессансе. Так, в 1990 г. в республике широко праздновался 550-летний юбилей богатырского эпоса "Джангар", активно восстанавливаются связи с калмыцким зарубежьем, разрабатывается программа возрождения калмыцкого языка. Представители калмыцкого народа имели заметный вес в движении за реабилитацию репрессированных народов. В Калмыкии идет бурный процесс по возрождению буддизма и его институтов. Явственно уплотняются информационные потоки, связывающие калмыков с близкородственными народами - бурятами и монголами. Первая декада сентября 1992 г. постановлением Президиума Верховного Совета Республики Калмыкия объявлена Днями Зая-Пандитской письменности и культуры.

Все это и многое другое, несомненно, оттянуло интерес, силы и средства в сторону калмыцкой этнотерриториальной общности. "Русский вопрос", естественно, не существовавший в доперестроечные годы, не возникал и до самого последнего времени. Мало того, при обращении к тезису о дружбе народов, о признании необходимости учитывать национальные интересы подразумевалась в первую очередь поддержка некоторых национальных меньшинств в республике, например, немцев (11).

Таким образом, русское население Калмыкии оказалось, по нашему мнению, в социально-психологическом и этнокультурном отношении на прежних, если не на более худших, чем в середине 1980-х гг., позициях. В этой связи показателен, в частности, такой факт. Калмыкию нередко причисляют к зоне эколо-

гического бедствия. В ряде республиканских публикаций, затрагивающих экологическую проблематику, прямо подчеркивается, что калмыки в большей степени страдают от неблагоприятной экологической обстановки, чем другое население республики (12).

Было бы крайне опрометчиво сразу опровергнуть или, наоборот, согласиться с подобными утверждениями. Данный вопрос требует комплексного и специального изучения. Заметим по этому поводу лишь одно: в общественном сознании постепенно формируется образ калмыцкого этноса как большей, по сравнению с другими народами, жертвы тоталитарного режима, но и большего героя сегодняшнего дня.

А если учесть, что общественно-политические движения и организации, возникшие в республике в конце 1980-х - начале 1990-х гг. в силу ряда причин оказались преимущественно калмыцкими по своему национальному составу, например, Калмыцкий народный фронт (1989) или Съезд калмыцкого народа (1991), то становится ясно, что рано или поздно славянское население республики также попытается объединиться по национальному признаку.

Так оно и случилось. В мае 1992 г. возникло общественно-политическое движение "Славяне Калмыкии". В первые четыре месяца своего существования организаторы движения провели две конференции и общеславянский сход. Создан Элистинский городской совет.

Одна из основных декларируемых целей движения - возрождение славянской культуры в крае. Нынешний Председатель движения - директор республиканской картинной галереи И.Г. Ковалев баллотировался в депутаты Верховного Совета Калмыкии по Энергетическому округу г.Элисты. Выборы были признаны недействительными, так как в них приняли участие менее половины избирателей. Однако при этом И.Г.Ковалев набрал наибольшее число голосов (13).

Ядро "Славян Калмыкии" включает, главным образом, представителей научно-гуманитарной и творческой интеллигенции русской национальности. В целом инициаторы славянского движения как будто собираются преследовать общегуманистические и

просветительские цели, в частности, оказание материальной и моральной помощи престарелым и неимущим. Вместе с тем несомненно и то, что возникновение славянского движения - это в известной мере выражение определенной обиды, несогласия со сложившейся расстановкой сил, а также стремление выдвинуть те политические притязания, на которые, как кажется части русского населения республики, она имеют полные основания.

В идейно-нравственной платформе движения заметен компонент некоторой ущербности, заброшенности, оттесненности русского (шире - славянского) населения от основополагающих, центральных процессов, протекающих в республике. Кажется понятным, что ощущение собственной неполноценности в наибольшей степени как раз и испытывает непроизводственная, нетехническая интеллигенция, которая оказывается ^{не} востребованной в той мере, в какой она способна ответить на духовные запросы и обеспечить интеллектуальные потребности калмыцкого этноса, а не собственной этнотерриториальной общности.

Кажется, что в Калмыкии уже вполне сложилась достаточно типичная для настоящего времени, но от этого не ставшая менее сложной и конфликтогенной коллизия. С одной стороны, как будто очевидно, что калмыцкая национальная автономия и призвана в первую очередь обеспечивать этносоциальное, этнокультурное, этнополитическое и иное воспроизводство калмыцкого этноса. В частных беседах эта мысль неоднократно звучала примерно так: "Калмыков осталось настолько мало, они так много пережили. И если сейчас не предпринять нечто решительное, способное возродить народ и его культуру, калмыков ожидает печальный конец. А русские... Они и так не пропадут".

С другой стороны, в какой бы мере русское (славянское) население ни было ориентировано на метрополию и связано с ней, ясно, что невнимание к местным реальным нуждам и запросам различных социальных, профессиональных, возрастных и иных групп некалмыцкого населения чревато межнациональной напряженностью.

Думается, частично именно эту коллизию отражает тот факт, что представители различных этнотерриториальных общностей находятся сейчас в стадии выяснения отношений. Лидеры

"Славянского движения" указывают, в частности, на такие негативные, с их точки зрения, явления как:

- сокращение численности русского населения в Калмыкии;
- непропорционально малое представительство русских в Верховном Совете республики;
- прекращение приема студентов-славян из Калмыкии в вузы России на льготных условиях (14).

Список претензий можно было бы продолжить. И, видимо, при неблагоприятном стечении обстоятельств он будет дополняться и разрастаться. Калмыцкая сторона в лице видных деятелей науки и культуры вынуждена в некоторой степени оправдываться и выдвигать собственные контраргументы (15).

Все эти обстоятельства, как кажется, свидетельствуют о том, что интеллектуально влиятельная и общественно активная часть калмыцкого этноса, увлекшись внутриэтнической (культурной, социальной, психологической) самореализацией и правовой реабилитацией, до известной степени спровоцировала процесс славянской консолидации не только на этнокультурной, но и на этнополитической основе. В республике уже поднимается вопрос о создании русского автономного образования в местах наиболее компактного расселения русских (Городовиковский, Яшалтинский, Приютненский районы).

Несколько иным образом формировался Союз казаков Калмыкии, возникший в 1990 г. и включавший первоначально калмыков - потомков донских казаков. Впоследствии в Союз вошли и русские - выходцы из переселенцев-казаков соседних областей. В настоящее время калмыки и русские составляют примерно равные доли в Союзе, насчитывающие ок. 10 тыс. чел. Переселенцы из казачества появились в Калмыкии сравнительно поздно - в XX веке, расселялись дисперсно и чисто казачьих поселений в республике не существовало. Тем не менее казацкое движение кажется консолидированным, его программа включает широкую хозяйственную деятельность. Руководители Союза пытаются найти контакт с исполнительной властью республики. Союз казаков Калмыкии, привлекая внимание прессы, получает доброжелательные оценки (16).

В целом понятно, что в Калмыкии происходят процессы в

значительной мере подобные тем, которые имеют место во многих регионах бывшего СССР. Однако Калмыкия, несомненно, выгодно отличается "невозмущенной" этнополитической ситуацией, слабовыраженными межнациональными трениями, которые не приобрели еще характера открытого противостояния. Правда, следует подчеркнуть, что в данном случае мы имеем в виду прежде всего калмыцко-русские отношения.

КАВКАЗСКАЯ ПРОБЛЕМА. Взаимоотношения с представителями народов Кавказа, живущими в республике, имеют иные стороны и оттенки. При этом анализ этих взаимоотношений крайне затруднен ввиду почти полного отсутствия открытой информации на эту тему. В республиканской прессе явно обнаруживается своеобразный "кавказский парадокс". С одной стороны, газеты нередко публикуют сведения об успехах животноводов кавказского происхождения и их портреты, описывают передовой опыт. С другой - в уже упоминавшихся межнациональных столкновениях одной из конфликтующих сторон были именно даргинцы и чеченцы.

Таким образом видимая и обсуждаемая часть "айсберга" отражает только два противоположных начала, так сказать, гениев и злодеев, а именно: передовиков-тружеников и участников конфликтов. Между этими фиксируемыми в печати полярными состояниями существует информационный пробел, некая фигура умолчания, определенно свидетельствующая о наличии проблемы, публичное обсуждение которой, вероятно, по тем или иным причинам кажется нежелательным.

Между тем в республике имеется немало устных неофициальных версий и характеристик, касающихся кавказского компонента. Смысл их будет более понятен, если принять во внимание некоторые особенности расселения и социальной структуры кавказского населения.

Согласно данным Всесоюзных переписей населения, появление представителей кавказских народов в Калмыкии в качестве постоянного населения относится к середине - концу 1950-х гг. В течение последних 30-ти лет их доля в общей численности населения возросла с 0,8% до 10,1%. В целом народности

Кавказа представлены практически во всех районах республики, однако местами наиболее компактного проживания даргинцев, аварцев и чеченцев (наиболее крупных по численности групп) являются южные районы: Черноземельский (35,6% всего населения), Яшкульский (26,6%), Ики-Бурульский (24,5%).

Социальные характеристики анализируемых этнотерриториальных групп отличаются высокой степенью однородности. Подавляющее большинство кавказского населения проживает в сельской местности (91% из числа народностей Дагестана и 87% чеченцев Калмыкии). Основной сферой приложения труда является животноводство, главным образом, овцеводство - ведущая и традиционная сельскохозяйственная отрасль в республике.

Именно тот факт, что "кавказцы" занимаются традиционными для калмыков видами хозяйственной деятельности на территории республики, оказался поводом для возникновения коллизии, содержание которой, как нам кажется, состоит, в том числе, в следующем.

Выходцы с Кавказа занимают в сфере животноводства вакантные места. Чабанский труд, несмотря на постоянно нарастаемые льготы, становится все менее престижным. В среде калмыков спрос на него превышает предложения. Знакомство с ситуацией в середине 1980-х гг. показало, что местное руководство охотно использовало труд животноводов-кавказцев, проявивших высокую адаптивность и обживавших степные районы, нередко в составе многодетных семей и в окружении родственников.

Но вместе с тем увеличение численности и усиление роли инонационального населения в одной отрасли породило и критические настроения. Часть калмыков воспринимает это население как конкурента, и это восприятие тем более болезненно, что речь идет о занятиях, связанных с традиционным скотоводческо-кочевым образом жизни и мироощущением.

Примечательно, что катастрофически ухудшающееся экологическое состояние пастбищ на территории Черных земель некоторые местные специалисты связывают в немалой степени с неприемлемостью для сухих степей привнесенных навыков отгонно-пастбищного овцеводства, сложившихся в горных условиях.

Таким образом кажется, что ощущаемая напряженность в калмыцко - даргинско-чеченских отношениях отражает представления о последних как о конкурентах, способных быстрее и наилучшим образом приспособливаться к сложным и быстро меняющимся обстоятельствам и занимающих те социальные и хозяйственно-экологические ниши, которые якобы исторически по праву принадлежат представителям "титულიной" нации.

Говоря о некоторой настороженности, нередко перерастающей в неприязнь по отношению к представителям кавказских народов, следует иметь в виду в том числе и следующее. Какими бы разумными, опирающимися на реальные факты и обстоятельства аргументами ни объяснялись сложности взаимоотношений, в этих взаимоотношениях нередко присутствует иррациональный момент этнопсихологической предубежденности, берущий свое начало в XIX в., а, может быть, и еще в более ранние исторические эпохи.

В самом деле, чем, например, можно объяснить такую странную на первый взгляд ситуацию: по воспоминаниям очевидцев в конце 1950-х - начале 1960-х гг., когда Калмыкия была еще далека от собственной "кавказской проблемы", пожилые калмычки в воспитательно-дидактических целях нередко пугали своих внуков "страшным чеченом", который может прийти и забрать непослушное чадо. С учетом обстоятельств тридцатилетней давности подобный феномен объяснить весьма трудно. Но принимая во внимание историческую память о кавказско-российских отношениях (прежде всего войнах) XIX в., можно понять происхождение и некоторую историческую объяснимость обобщенного образа "страшного чечена".

Необходимо также отметить, что в настоящее время внутри-республиканские проблемы межнациональных отношений серьезно осложняются внешними обстоятельствами, главным из которых является непосредственная близость взрывоопасного Кавказского региона со всеми вытекающими отсюда последствиями.

НЕМЦЫ КАЛМЫКИИ. Сопоставление данных, касающихся различных этнотерриториальных групп Калмыкии, дает основания полагать, что в шкале предпочтений калмыки на одно из ^{мест} первых

скорее всего поставили бы немцев. Во всяком случае "немецкий вопрос" обсуждается в прессе открыто, подробно и с нескрываемой симпатией к немцам, которые воспринимаются через призму пережитой, как и калмыками, депортации (17).

Немецкое население появилось в Калмыкии в 1870-х гг. Это были преселенцы из Бессарабии и Черниговской губернии, приехавшие, как и основная масса других переселенцев, в поисках свободных земель. По данным переписи населения 1926 г., в республике проживали 2603 представителя немецкой национальности. Районами компактного расселения были Яшалтинский и Западный (ныне Городовиковский) районы.

В 1941 г., накануне депортации немцев в Восточные районы, их насчитывалось в Калмыкии 5965 чел. (18). После восстановления республики и возвращения большей части местных немцев в Калмыкию в течение последних тридцати лет численность немецкой этнотерриториальной группы мало изменилась (сравни: 1970 г. - 5212; 1979 г. - 5509; 1989 г. - 5586), что свидетельствует о ее простом демографическом воспроизводстве. При этом происходит интенсивное перемещение немцев в городскую среду. В 1970 г. доля городского населения среди немцев составляла 10,7%, а в 1989 г. - 32,5%. В последние годы в республике частично восстановлена немецкая топонимика, создан Розентальский сельсовет.

Складывается такое впечатление, что для руководства республики немецкая тема выступает той лакмусовой бумажкой, которая способна убедить общественное мнение в правильности и эффективности современной региональной национальной политики. Правда есть некоторые основания полагать, что местные немцы свои надежды на будущее в немалой степени связывают с деятельностью национального общества "Возрождение".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В целом есть основания полагать, что руководство республики и интеллектуальная элита дорожат мирными межнациональными отношениями, готовы предпринимать шаги для ликвидации не только очагов, но самих поводов для напряженности.

Так, при Верховном Совете работает Постоянная комиссия

по национальной политике, межнациональным отношениям и свободе совести. Представленная этой комиссией записка "О состоянии межнациональных отношений и некоторых тенденциях их развития в республике" послужила основанием для соответствующего постановления Президиума Верховного Совета Республики Калмыкия - Хальмг Тангч, направленного на регулирование межнациональных отношений [19]. В Калмыкии появились 4 школы с преподаванием казахского языка, 2 школы с преподаванием даргинского языка. В двух школах преподается язык для детей турок-месхетинцев и в одной - для немецких детей [20].

Вместе с тем очевидно и другое. Возрастание роли национального фактора на фоне коренной ломки социально-экономических и политических отношений неизмеримо усложняют процесс такого регулирования сверху. Внутренне обусловленная, но часто внешне спонтанная инициатива снизу в ее различных формах (от уличной потасовки до создания общественного движения или политической партии) гораздо богаче, сложнее, разнообразнее, чем сложившиеся представления как о ней, так и о путях воздействия на нее. В этой связи кажутся анахронизмом такие формулировки в уже упоминаемом Постановлении как "разработать систему мер по устранению", "принять безотлагательные меры по предупреждению", "утвердить мероприятия по совершенствованию".

Межнациональные отношения переживают нелегкие времена. Думается, что в условиях республики требуется новая концепция взаимовыгодного сосуществования различных этнотерриториальных общностей, базирующаяся на объективной информации об их состоянии и представляющая разумный компромисс.

В Калмыкии сложилась почти уникальная ситуация, в которой возможно решать межнациональные проблемы и добиваться баланса национальных интересов мирными средствами, не прибегая к грубому нажиму и открытым силовым приемам. Однако, как нам кажется, достигнуть желаемого результата будет тем легче, чем отчетливее и быстрее будет осознана и реализована в качестве принципа государственной политики следующая идея.

Субъектом, равно как и объектом государственной региональной, в том числе и национальной, политики должен быть не

только и не столько калмыцкий народ, сколько народы Калмыкии, составляющие живой, жизнеспособный организм, несущий в себе значительные, пока еще далеко не в полной мере реализованные потенции.

1) Илишкин Н. Знакомьтесь, подполковник Анатолий Ивиков. // Известия Калмыкии, 7 октября 1992.

2) См., например, : Эрдниев У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста, 1980, с. 48-50; Жуковская Н.Л., Стратанович Г.Г. Калмыки. // Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985, с. 276.

3) Белоусов С.С. Переселение крестьян в Калмыкию в XIX в. Автореф. канд. дисс., М., 1992, с.15.

4) Там же, с. 3-4.

5) Из доклада И.Г. Ковалева на городской конференции славян, апрель 1992 г.

6) Кугультинов Д. Быть людьми! // Советская Калмыкия, 28 февраля 1989.

7) См.: Шапцев И. Высокое напряжение или Рассказ о том, что происходило в последние дни в северных районах республики. // Советская Калмыкия, 29 сентября 1989.

8) См.: Хахирова Т. Искусство жить вместе. // Известия Калмыкии, 20 августа 1992.

9) Гузенкова Т.С. Калмыцкая интеллигенция: штрихи к портрету. // Теегин герл. Свет в степи. 1991, N 4, с.75.

10) Ашилова Д.О. Этническая антропология калмыков. Элиста, 1976, с. 205.

11) Вывод сделан на основании анализа республиканской прессы за 1989-1992 гг.

12) См., например, : Сангаджиев Б. Президент уехал, а проблемы остались. // Известия Калмыкии, 8 августа 1992.

13) Сообщение о результатах выборов см.: Известия Калмыкии, 27 августа 1992.

14) Советская Калмыкия, 12 марта 1992.

15) Эрдниев У. Один выход - жить вместе... // Известия Калмыкии, 18 апреля 1992.

16) См., например, : Куберлинова Н. Большой круг казаков.

// Известия Калмыкии, 11 июля 1992; Оглаев Ю. Три кита Павла Шарманжинова. // Известия Калмыкии, 19 августа 1992; Гаряева Н. Мэр и атаман: шаг навстречу. // Известия Калмыкии, 10 сентября 1992;

17) См., например: Гаммершмидт К. С родиной в сердце. // Советская Калмыкия, 22 августа 1989; Лауденшлегер И.П. Завещание первых поселенцев. // Советская Калмыкия, 18 мая 1990; Корн Р. Возродится ли республика? // Советская Калмыкия, 2 августа 1990.

18) Борисенко И. Розенталь, Фриденталь и другие. // Известия Калмыкии, 10 июля 1992.

19) Известия Калмыкии, 29 августа 1992.

20) Сведения получены в национальном отделе Министерства образования республики Калмыкия - Хальмг Тангч.